

ISSN 1562-1391

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

№ 2 (44) 2013

**ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАУК**

**ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РАН**

МОСКВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

- Вороничев О.Е.** Каламбур в свете теории экспрессивно-семантического поля 6
- Селюнина О.А.** Включение и вторичная связь в полипредикативных построениях с уточняющими скрепами 11
- Чубур Т.А.** Комплексный анализ семантики русских и английских прилагательных (на материале прилагательных, номинирующих концепт «культурный человек») 17

СОЦИОЛИНГВИСТИКА. ПСИХОЛИНГВИСТИКА

- Коршунов Д.С.** Единица чтения: объект или процесс? 27

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

- Левченко Е.Н.** О макура-котоба в древнеяпонской поэзии 33
- Пасько Ю.В.** Парадигматическая интертекстуальность как текстообразующая категория (на материале творчества Ф. Кафки, Э. Елинек и немецких народных сказок) 41

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

- Нуриев В.А.** Феномен старения литературного перевода 48

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Марьин Д.В.** Филологический анализ автобиографических текстов В.М. Шукшина 55
- Шарифова С.Ш.** «Чистота» жанра романа с точки зрения теории литературы 61

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Маханькова Н.В.** Игровое моделирование как технология становления профессионально-творческой компетентности студентов 68
- Алиев С.Н., Утаев М.М.** Использование дидактических возможностей урока для формирования профессиональной компетенции будущих учителей английского языка 74

Трибуна молодого ученого

- Нечепуренко Д.В.** Духовные поиски главного героя произведений В. Пелевина 77
- Юрков Д.И.** Поэтика сновидений в творчестве В.Г. Короленко 79

ОБЗОРЫ

- Platonova N.V.** Russian Eighteenth-century Books on Commerce and Accounting 84

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Какзанова Е.М.** Межвузовская научная студенческая конференция «От науки языка к языку науки» (Москва, 16 мая 2013 г.) 92
- Баско Н.В., Тан Мэй-вэй.** V Международная научная конференция «Современные проблемы славянской филологии: славянские языки в современном мире» (Тайбэй, 4-5 мая 2013 г.) 95

Проблемы перевода *Problems of Translation*

© 2013

В.А. Нуриев

Феномен старения литературного перевода

«Перевод во всех его проявлениях часто предоставляет возможность демонстрации силы. Иногда это связано с преднамеренным изменением оригинального содержания, и тому может быть ряд причин – от попытки сэкономить деньги до стремления контролировать, от намерения следовать принятым нормам до жажды культурного господства» [21, 177].

Сейчас разные национальные литературы и вслед за ними разные национальные школы литературного перевода характеризуются пристальным вниманием к переводной историографии. Она одновременно нацелена на инвентаризацию имеющегося переводного наследия, изучение канонических принципов, которые легли в основу переводческого мастерства, и на верификацию, а следовательно, и отбраковывание текстов, в разное время переведенных и по разным причинам ставших частью литературной культуры конкретного этнолингвистического сообщества (см, например, работы: [14; 16; 17, 199–204; 18; 20; 26; 27; 35]). Это укладывается в рамки общей тенденции, как справедливо замечает О.Б. Йокояма [3, 152], подчеркивая, что, по крайней мере, на Западе, связь между переводом и традиционным языкознанием меняет свою форму. В западной теории перевода происходит методологическая диверсификация, и лингвистический метод утрачивает основополагающую роль. «Сосредоточив внимание на контексте той культуры, в которой текст был порожден, и той культуры, в которую он вносится переводом, исследователи обратились к разным междисциплинарным аспектам перевода, обогатив переводоведение новой тематикой и проблематикой. Предметом изучения стала не столько адекватность передаваемой информации, исходного и переводного текстов, сколько множество других аспектов перевода: его историография, принципы самого отбора текстов для перевода в разные эпохи в разных обществах, влияние переводческой деятельности на общество, потребляющее перевод, биографии переводчиков, использование перевода сильными мира сего, его цензура и экономические аспекты» [3, 152].

НУРИЕВ Виталий Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.

Один из вопросов, попадающих в ведение переводной историографии, уже не первое десятилетие переводоведы пытаются вынести в поле широкой научной дискуссии, указывая на его **актуальность** (см., например, [13; 19, 11–16]). Речь идет о проблеме многостороннего видоизменения художественного текста при его импорте в новую языковую среду с целью адаптации, учитывая потребности (идеологические, экономические и т.д.) литературного процесса, который разворачивается в этой культурной среде. Подобное изменение имеет место в конкретный исторический момент, когда текст переводится, редактируется и окончательно встраивается в новую культуру по факту своей публикации. Проблема затрагивает в особенности книги, имеющие большой международный резонанс, преобразования остаются невидимыми для иноязычного читателя, и со временем сообщенное оригинальному тексту искажение сложнее отследить без специально проводимой научно-сопоставительной работы.

В этой связи говорят о феномене старения литературного перевода и о необходимости его отслеживать, чтобы избежать заведомой деформации восприятия оригинального произведения и автора в культуре переводящего языка. В статье 1992 г. «К социосемиотике перевода» К. Робинс из Бельгийского национального научно-исследовательского фонда по этому поводу пишет, что важно дополнить современное переводоведение, основанное на изучении внутриязыковых и межъязыковых «системных отношений, норм и моделей, исследованием того, как на переводной текст влияют социоинституциональные установки». Иными словами, необходимо изучить, как перевод испытывает на себе гнет принимающей социокультурной среды [30, 211–226].

Переводовед И. Колломба из Университета г. Лаваль в мае 2003 г. на ежегодном конгрессе Канадской ассоциации переводоведов в Галифаксе,

анализируя факторы старения перевода, назвала «переперевод» необходимостью, продиктованной самой историей. Эта мысль получила развитие в следующей ее статье: «Le XXe siècle: l'âge de la retraduction» [15, 1–15].

Эстонская исследовательница М. Амон из Университета г. Тарту задается вопросом об изначальном неравноправии перевода [12, 37–51]. Она указывает на более уязвимый статус переводного текста по сравнению с оригинальным: подлинник в силу хотя бы языковой непрозрачности в новой культурно-языковой среде пользуется определенным иммунитетом у среднестатистического читателя. М. Амон цитирует В. Беньямина [12, 37]:

«Ибо наряду с тем, как за столетия полностью преобразуются звучание и смысл великих литературных трудов, меняется и родной язык переводчика. Ведь в то время, как поэтическое слово продолжает жить в языке автора, даже величайшим переводам суждено меняться с ростом их родного языка и, в конечном итоге, быть поглощенными этим ростом. Перевод настолько далек от того, чтобы быть бесплодным отождествлением двух мертвых языков, что именно ему среди всех прочих литературных форм предназначено следить за созреванием чужого слова и за муками рождения своего собственного».¹

Исследователь затем обращается к сопоставительным опытам А. Топиа и соглашается с утверждением, что перевод не является частью литературной истории в той степени, в какой ею становится оригинал, и не участвует в сложной цепочке взаимосвязей, которая может опосредовать развитие стиля автора и контекст, где происходит это развитие – в материнской среде исходника [34, 45–61].

О старении перевода как о проблеме говорят сами переводчики. А. Колдефи-Фокар, автор нового перевода «Мертвых душ» Н. Гоголя на французский, подчеркивает, что «переводу свойственно «стареть» <...> ни один перевод не совершенен, чем больше у нас переводов одного и того же текста, тем больше вероятность (при полном отсутствии возможности заглянуть в сам оригинал), что у нас будет хоть какое-то представление, о чем же на самом деле писал там автор» [7, 2]. Той же точки зрения придерживается В. Бегэн, которая два года назад заново перевела роман Ш. Бронте «Городок» («Villette») на французский [25]. Как и Л. Юргенсон, заново переводящая рассказы В. Шаламова на французский (мнение было высказано в личной беседе. – В.Н.). Вопрос «переперевода» нередко затрагивается отечественными представителями профессионального сообщества. Об этом высказывались, например,

известные литературные переводчики с английского языка В. Гольшев, И. Кормилцев, переводчик с французского языка и историк литературы В. Мильчина [4; 5].

Любопытна асимметрия, проявляемая в отношении данного вопроса со стороны русскоязычного и англоязычного профессионального (литературного, научно-исследовательского) сообщества, где ему до сих пор уделяют гораздо меньше внимания, чем франкоязычные коллеги.

1. Причины старения перевода

Говоря о старении перевода, нельзя не упомянуть его самую естественную форму, когда переводной художественный текст на временной оси настолько далеко отстоит от актуального читателя, что язык, на котором текст написан, в силу своей архаичности перестает удовлетворять эстетическим потребностям реципиента, и его восприятие заканчивается когнитивной неудачей. В таком случае новый перевод изыскивает способы актуализации языковых средств, использованных при создании оригинала. Примечательно, что подлинник в материнской культуре, как правило, стареет медленнее, чем его переводные версии. Мы не будем подробно останавливаться на данной форме старения перевода и перейдем к другим, которые появляются в результате большего количества факторов, имеющих неязыковую природу.

1.1. Идеологическая цензура

Известно, что литературный процесс в каждой отдельно взятой национальной культуре не существует обособленно, но входит в некую систему социально означенных связей с участием конкретных институций. Потому нельзя игнорировать отношение государства к художественному переводу и к иноязычной литературе, поступающей на внутренний национальный рынок. Самой очевидной формой государственного влияния в таком случае может считаться цензура, то есть препятствие переводу оригинального произведения или принудительное искажение оригинала, редактирование текста на языке-приемнике с целью его освобождения от определенных элементов содержания, каким-либо образом противоречащих культивируемой идеологии.

Среди отечественных исследователей традиционно принято говорить о цензуре применительно к Советской России, вместе с тем в нашей стране это явление возникло задолго до формирования СССР.

Вплоть до середины XVIII в. цензуру у нас осуществляли непосредственно императоры, до конца века – Синод, Сенат и Академия наук, начиная с XIX в. – Министерство народного просвещения и потом – Министерство внутренних дел.

¹ Перевод с немецкого Е. Павлова.

Приведем лишь несколько примеров из истории отечественной цензуры в отношении переводной литературы.

После Французской революции Екатерина II учредила институт цензуры и 16 сентября 1796 г. приняла следующий указ: «Никакие книги, сочиняемые или переводимые в государстве нашем, не могут быть издаваемы, в какой бы то ни было типографии без осмотра от одной из цензур, учреждаемых в столицах наших, и одобрения, что в таковых сочинениях или переводах ничего Закону Божию, правилам государственным и благонравию противного не находится» [8, 933].

При императоре Павле I был организован Цензурный совет (с князем А.Б. Куракиным во главе). При нем в стране конфисковали 639 томов книг (среди них Гете, Шиллер, Кант, Свифт и др.).

Цензура в отношении художественной, в том числе и иностранной, литературы ужесточалась во второй половине XIX в., что непосредственно отразилось на качестве переводов, и привело к возникновению «равнодушных ремесленников, которые переводили спустя рукава одинаково суконным языком...» [11, 7].

Русский перевод «Фауста» до своей официальной публикации претерпел множественную цензурную правку. В 1838 г., когда отдельной книгой вышел перевод первой части «Фауста», выполненный Э. Губером, переводной вариант был сокращен на триста строк по сравнению с исходником. Полностью были исключены «Пролог на небе», строки, где Фауст переводит Евангелие от Иоанна и рассуждает о том, что было вначале – слово или дело, а также фрагменты, где предосудительно говорилось о церкви (подробнее см. [2, 189–196]).

Предварительно согласованная с автором публикация в журнале «Нева» романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» была по идеологическим соображениям запрещена ЦК КПСС в 1960 г. Роман опубликовали в СССР в 1968 г., и в тексте было сделано более 20 цензурных изъятий [1, 237–245].

В результате подобных процессов происходит «жанровая шаблонизация» переводной литературы с учетом канонов, действующих в принимающей этноязыковой общности, и литература перестает выполнять одну из своих ингерентных задач – адекватно отображать материнскую культуру через переведенный художественный текст, что в значительной степени ускоряет механизм его старения. Очень точно это описал, на наш взгляд, известный лингвист и переводчик С.А. Ромашко в своем недавнем интервью «Московскому книжному журналу», где он предлагает пересмотреть русские переводы Г. Гессе: «Чужой текст нужно было адаптировать, сделать так, чтобы он звучал хорошо по-русски.

В это классическое советское время, 30–50-е годы, произошло чудовищное сжатие литературы до нескольких основных жанров – роман-воспитание, героический роман, какая-нибудь безумная поэма, невнятная лирика, мечтательная новелла про природу и критическая статья-разбор» [6]. Оказывалось, что при переводе иноязычный текст нужно подводить под этот набор. В результате у среднестатистического читателя возникала иллюзия, будто мировой литературный процесс в точности повторяет тот, что разворачивается в родной культуре. Далее проводится мысль, что искажающая адаптация приводит к возникновению конфликта человека и реальности, выходящего далеко за рамки литературы и работающего на оправдание запрета.

Российская и советская системы идеологической цензуры в области переводной литературы не являются исключением в мировой практике.

В Италии при режиме Муссолини издатели обязаны были извещать министерство о каждой публикации переводов иностранных книг. Переводы всех художественных произведений и развлекательных изданий выпускались ограниченными тиражами и тщательно редактировались [31, 427–442; 32, 67–86].

Первостепенную роль цензура играла при режиме Франко в Испании. Очевидно, это был один из наиболее эффективных инструментов диктатуры, позволяющих сохранить идеологию режима и изоляцию испанской культуры. Цензура проводилась согласованно тремя учреждениями: отделом книжной цензуры, департаментом кинематографа и театра и отделом информации и цензуры. Все органы располагали полномочиями налагать запрет на любое произведение искусства, которое предположительно представляло угрозу идеологии режима [24].

Во французской литературе после Второй мировой войны одним из самых популярных жанров был жанр, который традиционно относится к «низким», – детектив (в том числе политический). Основной серией, печатавшей французские и переводные детективы, триллеры, шпионские романы, стала «Черная серия» («Série Noire»). Доминирующей нарративной моделью считалась «модель максимальной достоверности», скрывающая политически маркированный дискурс за чистотой описания. Оно намеренно не отягощено эксплицитными идеологическими комментариями, которые могут скомпрометировать повествователя, и имеет следующие отличительные черты: вызывающая доверие фигура главного героя-повествователя, четкая идентификация времени и места действия, прозрачная нарративная структура без внутренних противоречий и тупиковых сюжетных ответвлений. Как только переводной детектив отхо-

дил от титульной модели, он подвергался переработке. Например, из романов Э. Айронса (E. Aarons) вычищалась антикоммунистическая пропаганда, убирались некоторые фрагменты текста, по мнению переводчика и редактора, чрезмерно осложнявшие нарративную структуру, допускались фабульные изменения (подробнее см. [30, 211–226]).

В нацистской Германии в периодической печати и средствах массовой информации перевод часто характеризовался как угроза аутентичности и единству немецкого общества. Режим стремился сократить число переводных публикаций посредством пропаганды нацистской литературы. После 1933 г. контроль переводной литературы стал более регламентированным, была введена предварительная, невидимая читателю, цензура. Она заключалась в ограничении количества книг, имеющих в продаже и поступающих в библиотеки [33, 137–139]. В своем исследовании К. Штурге приводит два примечательных примера переводов французской и английской литературы в Германии того времени [33, 143]. В обоих случаях немецкие версии органично воспроизводят национальные немецкие стереотипы, играя на культурных штампах. Французы в переводе «Полночи» («Minuit») Ж. Грина (J. Green) изображаются склонными к меланхолии нигилистами. А англичане в переводе «Автобиографии бродяги» («Autobiography of a Cad») А.Г. МакДоннелла (A.G. MacDonnell) – развращенными снобами.

Следует, однако, заметить, что тут можно говорить не только об искажении текста-источника, но и об особенной технологии издателя / переводчика, неоднократно на разных исторических этапах проходившей апробацию в национальных культурах при переводном импорте некоторых текстов. Она заключается в предварительном отборе, который имеет своей целью поиск такого оригинала, который при переносе в новую литературную среду с наименьшими изменениями содержательного плана встраивается в ее систему культурных взаимосвязей. Это тоже форма цензуры, имеющая смешанный – экономический и идеологический – характер.

1.2. Экономическая цензура

Этот вид цензуры отражает стремление издателя уже на уровне первичного отбора потенциально подлежащей переводу художественной литературы найти будущий бестселлер. Показательный пример, иллюстрирующий подобную ситуацию, имеется в истории литературного перевода в Дании.

Когда в 1830-х гг. датские читатели познакомились с новеллами В. Скотта и романтической поэзией Дж. Байрона, которые оказались здесь очень востребованными, перед ведущими издателями встал вопрос о дальнейшем импорте англоязычной художественной литературы. С одной стороны,

нужно было учитывать исторически сложившиеся предубеждения датчан против англичан. С другой стороны, искали некоторое произведение, имевшее коммерческий успех у себя на родине и располагавшее тем набором героев, среди которых была хотя бы одна ролевая модель, близкая национальному датскому характеру. Так, издатель Л. Йордан и переводчик К. Каруп решили опубликовать дебютный роман Дж. Остин «Разум и чувства» («Sense and Sensibility», 1811 г.) о двух сестрах. За этим решением, по свидетельствам датских специалистов, скрывается интересная издательская и переводческая стратегия. В самом схематичном приближении роман сводится к бинарной модели-оппозиции «Элинор vs. Марианна Дэшвуд» (Британский расчетливый разум vs. Франко-германская чувственность), которая выстраивает интересную параллель с попыткой Дании в первой половине XIX в. переосмыслить свои отношения с Великобританией и ее континентальными странами-соперницами. Первый тираж «Разума и чувств» на родине был продан 750 копиями и до момента публикации датского перевода (в 1856 г.) переиздавался еще пять раз. Датский перевод впоследствии подвергся жесткой критике со стороны профессионального сообщества как искажающий оригинал (подробнее см. [28, 53–66]).

При тоталитарных режимах XX в. данная технология дополнялась/замещалась жестким государственным регулированием в форме четкой идеологически мотивированной селекции и резкого ограничения внутреннего рынка художественной литературы – сокращения издаваемых наименований и искусственного увеличения тиражей. В странах, где государство не использовало прямых рычагов воздействия на рыночные механизмы, она стала основной издательской стратегией в области художественной переводной литературы. В России к ней обратились в 2000-х гг., когда окончательно завершилась трансформация внутреннего книжного рынка и определилась новая роль государства как косвенного регулятора, применяющего формы непрямого воздействия на книгопечатание.

Коммерческая модель организации рынка переводной художественной литературы, однако, имеет свои деформационные эффекты, проявляющиеся, в частности, в асимметрии издательского выбора произведений на перевод. Эта асимметрия обусловлена несколькими существенными факторами. Нацеленностью маркетологов на большую прибыль, когда, независимо от качества текста, отбраковываются произведения авторов, еще не издававшихся в стране языка-приемника, если только речь не идет о крупном национальном или международном бестселлере. Некомпетентностью работников международного отдела в издатель-

стве, в чей круг должностных обязанностей входит отбор подлежащих переводу произведений. Закрытостью некоторых национальных рынков – во Франции, Италии и Германии и т.д. А также в силу некоторых других причин.

Приведем один пример. Еще в начале 1990-х гг. М.В. Ректанус писал, что поскольку исторически с образом Германии не связано положительных ассоциаций в принимающей культуре и не предпринимается ощутимых попыток улучшить имидж страны, в США и Великобритании на современную немецкоязычную художественную литературу накладывается своеобразное вето из-за отрицательных коммерческих ожиданий у издателей [29, 137–147]. Сейчас Германия пытается бороться со сложившимся положением вещей: в частности, немецкие издатели становятся акционерами крупных американских издательских корпораций, тем самым открывая путь своей художественной литературе на международный рынок.

II. Фиксация старения перевода

Как мы уже отмечали, отследить факт идеологически или экономически мотивированного искажения оригинального текста в художественном переводе (а следовательно, и морального старения перевода) с течением времени становится сложнее без научно-исследовательской работы.

Сейчас существует несколько институтов, которые занимаются фиксацией старения переводных текстов и продвижением инициатив по осуществлению новых переводов.

Следует оговориться, что в большинстве своем на предмет старения рассматриваются тексты, уже перешедшие в общественное достояние, чьи авторы обладают большим удельным весом в мировой литературе. В первую очередь, это мировая классика.

Инициатива заново перевести текст может исходить от издателя. Так произошло, когда в 2010 г. на английском языке была опубликована восстановленная, более полная версия мемуарной прозы американского писателя Э. Хемингуэя «A Moveable Feast». Французскую версию М. Сапорта «Paris est une fête» дополнили предисловием и переводом недостающих глав (см. [23]). Российские издатели решили заказать новый перевод, который был выполнен В. Голышевым [9]. Авторство предыдущей версии «Праздника, который всегда с тобой» на русском языке принадлежит коллективу переводчиков: М. Бруку, Л. Петрову и Ф. Розенталю [10]. Сравним название первой главы и несколько первых предложений:

A Good Café on the Place St-Michel

Then there was the bad weather. It would come in one day when the fall was over. We would have to shut

the windows in the night against the rain and the cold wind would strip the leaves from the trees in the Place Contrescarpe. The leaves lay sodden in the rain and the wind drove the rain against the big green autobus at the terminal and the Cafe des Amateurs was crowded and the windows misted over from the heat and the smoke inside. It was a sad, evilly run cafe where the drunkards of the quarter crowded together and I kept away from it because of the smell of dirty bodies and the sour smell of drunkenness [22].

Славное кафе на площади Сен-Мишель

А потом погода испортилась. Она переменялась в один день – и осень кончилась. Из-за дождя нам приходилось закрывать на ночь окна, холодный ветер срывал листья с деревьев на площади Контрэскарп. Листья лежали размоченные дождем, и ветер швырял дождь в большой зеленый автобус на конечной остановке, а кафе «Для любителей» было переполнено, и окна запотели изнутри от тепла и табачного дыма. Это было мрачное кафе с дурной репутацией, где собирались пьяницы со всего квартала, и я не ходил туда, потому что там пахло потом и кислым винным перегаром (М. Брук, Л. Петров, Ф. Розенталь).

Хорошее кафе на площади Сен-Мишель

Потом погода испортилась. Так в один день кончилась осень. Ночью ты закрывал окна от дождя, и холодный ветер обрывал листья с деревьев на площади Контрэскарп. Размокшие листья лежали под дождем, ветер охлестывал дождем большой зеленый автобус на конечной остановке, кафе «Дез аматёр» было забито народом, и окна запотевали от тепла и дыма внутри. Кафе было печальное, паршивое, там собирались пьяницы со всего квартала, а я его избегал из-за запаха невымытых тел и кислого перегара (В. Голышев).

В новом варианте название мемуаров не менялось, однако текст оказался полностью переработанным в отношении синтаксиса, лексического наполнения, прагматических установок и т.д. Не проводя детального анализа, заметим, что вторая версия перевода не обладает очевидными преимуществами по сравнению с первой. Отчасти это обусловлено тем, что в данном случае факт старения перевода непосредственным образом связан с фактом старения самого оригинала, а возникновение нового полнозначного текста на русском языке мотивировано, в первую очередь и преимущественно, коммерческими причинами.

Решение о том, какой-либо перевод устарел, может выноситься индивидуально или коллективно представителями переводческого и научного профессионального сообщества. Проводится процедура сопоставления имеющихся переводных

версий с исходным текстом. В результате переводчик/переводовед составляет перечень ошибок, неточностей, искажений, заявляет о необходимости сделать новый перевод и предъявляет этот перечень издателю или организации, занимающейся грантовой поддержкой подобных проектов. Так, за последние двадцать лет в нескольких европейских национальных литературах (в том числе в Италии и Франции) поступательно пересматриваются существующие переводы классики, а также поэтов и писателей Серебряного века. Это связано с упрочением позиций национальных школ перевода и более строгой кодификацией их принципов и правил работы.

Чтобы выводить подобные дискуссионные вопросы на международный уровень, создаются новые организации с регуляторными функциями. В 2009 г. образовалось Европейское Сообщество Авторов (*Société Européenne des Auteurs / European Society of Authors*), куда входят писатели, переводчики, издатели из разных стран Европы. Ежегодно на осенней книжной ярмарке во Франкфурте оно представляет список «лакун» на литературно-переводческой карте Европы. Созывается международное жюри, состоящее из десяти писателей-полиглотов, которые составляют персональные списки рекомендуемых к переводу произведений, в момент своего выхода на родине не попавших в поле зрения издателей за границей. ЕСА развивает целый ряд грантовых проектов в помощь изданию некоммерческой литературы.

В заключение еще раз укажем причины, определяющие старение художественного перевода и необходимость создания новой переводной версии. В частности, это могут быть причины лингвистической природы (переводной текст подвергся политико-идеологической или экономической цензуре) и чисто языковые (устаревание языка, которым осуществлен перевод; наличие ошибок и неточностей). В отдельных случаях появление нового перевода связано с возникновением новых версий оригинала, который имеет большой удельный вес в мировой литературе.

Однако отметим, что само понятие старения перевода носит крайне условный характер, поскольку факт старения и его фиксация требуют вовлечения специальных институтов и проведения многоступенчатых процедур. Причем эти процедуры пока не отличаются проработанностью и системностью, а их проведение на данный момент в отечественной и мировой практике скорее хаотично и обусловлено частными инициативными усилиями. Все это говорит о перспективности дальнейшего изучения причин, предпосылок старения художественного перевода, а также способов его отслеживания и официальной фиксации.

Литература

1. Блюм А. «Нева» в годы оттепели и застоя: Хроника цензурных репрессий // Нева. 2005. № 4.
2. Жаткин Д.Н. Э.И. Губер – русский поэт и переводчик 1830–1840-х гг. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1(71).
3. Йокояма О.Б. К метатеории перевода: перевод как дискурс // Человек о языке – язык о человеке: Сб. статей памяти академика Н.Ю. Шведовой. М., 2012.
4. Калашишникова Е. Паршивую книгу хорошо перевести нельзя (Интервью с В. Голышевым) [Электронный ресурс] / Калашишникова Е., 2001. Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010628_kal.html
5. Калашишникова Е., Шаповал С. В искусстве надо действовать, как действует террорист... (Интервью с И. Кормильцевым) [Электронный ресурс] / Калашишникова Е., Шаповал С., 2001. Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20010730_k.html
6. Николаева П. Надо пересмотреть переводы Гессе (Интервью с С.А. Ромашко) [Электронный ресурс] / Николаева П., 2013. Режим доступа: http://morebo.ru/interv/item/1368997658243?category_id=33
7. Нуриев В.А. «Божественная комедия» на русском материале (Интервью с А. Колдефи-Фокар) // Независимая газета. НГ-EXLIBRIS. 2008. № 44 (488).
8. Полное собрание законов Российской империи. Серия 1. СПб., 1830. Т. 23.
9. Хемингуэй Э.М. Праздник, который всегда с тобой. Пер. В. Голышева. М., 2013.
10. Хемингуэй Э.М. Праздник, который всегда с тобой. Пер. М. Брука, Л. Петрова, Ф. Розенталя. М., 2010.
11. Чуковский К. Высокое искусство. М., 1988.
12. Amon M. La progression informationnelle: aspects textuels // Synergies Pays Riverains de la Baltique. 2008. № 5.
13. Ballard M. (ed.) Censure et traduction. Arras, 2011.
14. Chevrel Y., D'hulst L., Lombez Ch. (eds.) Histoire des traductions en langue française: XIXe siècle. Lagrasse, 2012.
15. Collombat I. Le XXIe siècle: l'âge de la retraduction. The 21st century: the Age of Retranslation // Translation Studies in the new millennium. An international Journal of Translation and Interpreting. 2004. № 2.
16. Delisle J. (ed.) Portraits de traducteurs, Ottawa, Arras, 1999.
17. Delisle J. Les traducteurs dans la littérature québécoise // Translationes (Roumanie). 2009. № 1.
18. Delisle J. Portraits de traductrices. Ottawa, Arras, 2002.
19. Delisle J. Traducteurs victimes de la censure // Translationes (Roumanie). 2012. № 4.
20. Delisle J., Woodsworth J. (eds.) Translators through History. Amsterdam, 2012.
21. Fawcett P. Translation and Power Play // The Translator. Studies in Intercultural Communication: Baker M. (ed.). Manchester, 1995. Vol. 1. № 2.
22. Hemingway E. A Moveable Feast: The Restored Edition. N.-Y., 2010.
23. Hemingway E. Paris est une fête. Paris, 2012.

24. *Itziar C.* Translating in a Nationalistic Context: Censorship in Translation under Franco. Manchester, 1999.
25. *Kadija L.P.* Une traductrice, de l'ombre à la lumière du jour (Entretien avec Véronique Béghain, traductrice) [Электронный ресурс] / *Kadija L.P.*, 2011. Режим доступа: <http://littexpress.over-blog.net/article-entretien-avec-veronique-beghain-traductrice-67077967.html>
26. *Lombez Ch.* (ed.) Retraductions: de la Renaissance au XXIème siècle. Nantes, 2011.
27. *Lombez Ch.* (ed.) Traduire en langue française en 1830. Arras, 2012.
28. *Mortensen P.* «Forstand og Hjerte», or: How Danes Learned to Stop Worrying and Love Jane Austen // *Angles on the English-Speaking World*. 2006. Vol. 6.
29. *Rectanus M.W.* German literature in the United States: licensing translations in the international marketplace, Wiesbaden, 1990.
30. *Robyns C.* Towards a Sociosemiotics of Translation // *Romanistische Zeitschrift für Literaturgeschichte / Cahiers d'Histoire des Littératures Romanes*. 1992.
31. *Rundle C.* Publishing Translations in Mussolini's Italy: A case study of Arnoldo Mondadori // *Textus. English Studies in Italy: Bassnett S., Bosinelli R.M.B., Ulrych M.* (eds.). 1999. Vol. XII. № 2.
32. *Rundle C.* The Censorship of Translation in Fascist Italy // *The Translator. Studies in Intercultural Communication: Baker M.* (ed.). Manchester, 2000. Vol. 6. № 1.
33. *Sturge K.* A Danger and a Veiled Attack. Translating into Nazi Germany // *The Practices of Literary Translation. Constraints and Creativity: Boase-Beier J., Holman M.* (eds.). Manchester, 1999.
34. *Topia A.* Finnegans Wake: la traduction parasitée. Etude de trois traductions des dernières pages de Finnegans Wake // *Palimpsestes*. 1990. № 4.
35. *Uman D.* Women as Translators in Early Modern England. Lanham, 2012

THE PHENOMENON OF LITERARY TRANSLATION AGEING

V.A. Nuriev

Summary

The paper deals with a phenomenon which is getting an increasing attention of Translation Studies' scholars abroad, namely, literary translation ageing. The author of the article makes an attempt to give an extensive account of the present-day situation in this area and to highlight some reasons which bring to life the above phenomenon of a very complex nature.

Ключевые слова: переводоведение, художественный текст, старение перевода, цензура, издательская стратегия.

Key words: translation studies, literary text, ageing of translation, censorship, publisher's choice

